

Княжество Андо, Город Масейла, Горная часовня

Рейн вытащил Кинжал Поглощения Истока из руки Кровавого Ворона.

— А-а!

Сильная боль заставила Кровавого Ворона невольно взреветь, это ощущение разрыва было сродни тому, как если бы у него живьём вытянули сухожилия.

Рейн поднял Кинжал Поглощения Истока и взглянул на него: некогда совершенно чёрный клинок теперь отливал тёмно-красным и больше не дрожал.

Он уже насытился, успокоившись, словно дикий зверь, который плотно пообещал и погрузился в полудрёму, переваривая пищу.

Рейн шатнучно пошарил рукой по голенище сапога — таких Кинжалов Поглощения Истока у него было больше одного, и на всякий случай ему стоило бы выкачать досуха всю Силу Источника из тела Кровавого Ворона.

Но тут же, подумав, он отказался от этой затеи.

— На самом деле я не люблю пользоваться таким оружием. Оно, как и ты, вызывает у меня некоторое отвращение и тошноту, поэтому я надеюсь, что ты не станешь сопротивляться — мне не хочется убивать тебя просто так.

Рейн повернул голову и сказал Кровавому Ворону.

В этот момент Кровавый Ворон сидел на земле, ссутулившись и превратившись в жалкое подобие бродячей собаки, его сердце было полностью опустошено.

Предыдущий Кинжал Поглощения Истока почти выпил до дна Силу Источника в его теле, сделав его еще более слабым, и перед лицом этого охотника у него уже не оставалось ни малейших мыслей о сопротивлении.

— Ты только что сказал, что я свёл в могилу твою мать? — приподняв голову, спросил Кровавый Ворон, лицо которого было преисполнено недоумения.

Он вдруг вспомнил ту яростную ненависть к нему, что сквозила в недавних словах Рейна.

Рейн не ответил, а лишь поднял глаза и взглянул на защитный барьер над головой.

Судя по сиянию, этому барьеру требовалось еще немного времени, прежде чем он окончательно рассеется; хотя он и мог сокрушить его грубой силой, это, пожалуй, подняло бы немалый шум, так что лучше было просто спокойно подождать.

Он поднял из обломков рухнувшей стены часовни массивный валун, приспособил его под стул и, усевшись перед Кровавым Вороном, начал свой рассказ.

— Мою мать звали Изабель, она была выдающимся целителем-пастырем.

На Земле Астролябии тех, кто исцелял болезни и раны с помощью магии света, называли целителями-пастырями.

— В юности она странствовала по свету и часто безвозмездно лечила людей.

— Катастрофа, которую ты устроил в городке Лайга, принесла бесчисленные жертвы. Местная больница для целителей-пастырей обладала лишь ограниченными возможностями и уровнем, поэтому им пришлось обратиться за помощью вовне.

— Услышав об этом, моя мать помчалась туда, прихватив меня с собой — тогда я еще был младенцем на руках.

Услышав это, Кровавый Ворон внезапно вскинул до того опущенную голову и принялся разглядывать Рейна.

— Чтобы устранить беду, посеянную тобой, моя мать осталась жить в городке Лайга и оставалась там до самого конца своих дней.

— Магическое зелье, которое ты заставлял людей глотать, в тяжелых случаях вызывало у них мгновенный разрыв тела изнутри, а в тех, что полегче, приводило к потере рассудка и иступлению, после чего несчастные выплескивали всю свою силу и умирали от истощения.

— Но большинство отделалось легкой формой: то магическое зелье не убивало их на месте, обрекая на куда более долгую и мучительную жизнь, хуже смерти.

— В детстве я видел, как приступы случались у тех жертв: они металась по постелям, разрывая на клочья простыни и одеяла, бились головами о стены и даже грызли собственные тела. А когда действие зелья наконец отступало, чудовищная боль заставляла их безутешно выть.

— Целителям-пастырям приходилось привязывать их к кроватям, убирать из комнат все твердые предметы и обклеивать стены толстым слоем поролона.

— Свойства троих магического зелья навечно застревали в их телах, проникая едва ли не до

мозга костей, и даже переливание крови не могло избавить от них.

— Поэтому весь их оставшийся век проходил в непрекращающихся страданиях.

— Их приступы не подчинялись никаким законам: возможно, когда стемнеет, возможно, в полнолуние, а может, просто после съеденного помидора — еще секунду назад они спокойно шли по дороге, а в следующую уже корчились от боли на земле.

— Со временем чиновники и жители городка отвернулись от них. Люди боялись этих несчастных, до смерти боясь, что те превратятся в человекоподобных зверей и повторят катастрофу.

— Под холодными взглядами и всеобщим ожесточением моей матери пришлось уйти подальше от городка, чтобы основать приют.

— В конце концов все остальные отступились, включая пасторов-целителей, присланных Святым Престолом, и в приюте остались лишь мы с матерью да пара родственников жертв, помогавших по хозяйству.

— Наверное, все думали, что остатки того магического зелья неизлечимы и этим людям остается лишь угасать самим по себе.

— Пожалуй, этот мир и впрямь так жесток: на этой земле каждый день бесчисленно умирают и рождаются заново. Для кое-кого чужие жизни и смерти, не имеющие к ним отношения, — всего лишь прыжки цифр на бумаге.

— Но моя мать никогда не оставляла их в беде, день и ночь разыскивая способ спасти их. И хотя долгое время это почти не приносило плодов, я часто слышал, как она вздыхает, снедаемая чувством вины.

— Эти люди такие же живые существа, как и мы, у них есть семьи, о которых они тревожатся и которые тревожатся о них; они хотели жить и тоже заслуживали права на жизнь, разве не так?

— Позже моя мать совершила безумный поступок: чтобы лучше отыскать и понять причину того, как магическое зелье копошится в телах, она сама выпила дозу... В тот день я собственными глазами видел, как она осушила янтарный флакон до дна, только я тогда ничего не понимал...

— Как бы мне хотелось тогда остановить ее.

С этими словами Рейн вытащил метательный клинок и резким взмахом руки метнул его — чистой физической силой — в единственную уцелевшую стену часовни.

Грохот! Стена рухнула от удара.

Ощувив исходившие от Рейна волны гнева и капельку раскаяния, Кровавый Ворон не смел произнести ни слова, храня молчание.

— Позже моя мать действительно нашла благодаря этому довольно неплохой способ противодействия тому зелью. Пусть ей все еще не удавалось исцелить их до конца, но боль во время приступов уменьшилась во много-много раз — теперь им требовалось лишь принять немного болеутоляющего. Это наконец вывело их из того кошмара и позволило начать жизнь заново.

— Но моя мать...

— Врачу трудно исцелить самого себя, и она сама долгие годы страдала от мук, приносимых зельем. Она одновременно терпела собственные боли и ломала голову над тем, как вылечить людей; такое изнурение день и ночь напролет в конце концов свалило ее с ног.

— В итоге, когда мне было девять лет, моя мать навсегда покинула этот мир.

...

— Я... — услышав это, Кровавый Ворон попытался что-то сказать, но осекся на полуслове.

Он чувствовал, как от Рейна исходит всепоглощающая скорбь, словно гигантский морской вал, готовый обрушиться и погresti его под собой — его, грешника.

— Так я остался сиротой.

— К счастью, перед смертью мама доверила меня своей... подруге. Я признал ее мужа своим крестным отцом, он вырастил меня и многому научил.

— А позже, чтобы отомстить за маму, я вступил в Зал Охоты на Демонов и стал охотником.

— Все эти громкие слова о карании негодяев и искоренении зла, о поддержании порядка, о стражах ночи — мне плевать на всю эту фальшивую славу.

— Я лишь хотел найти тебя и схватить, Варез Долан!

— Я непременно отправлю тебя на виселицу собственными руками!